

РАЗЛОМЫ

ДУХ

— ИСТОРИЯ БЕГЛЕЦА —

18+

Borland Clause

Дух. История беглеца

<https://litres.ru/74638302>

SelfPub; 2026

Аннотация

Саша Вершинин верил, что любую ошибку можно исправить, если вовремя о ней сказать. Он отвечал за внутреннюю экономику огромной онлайн-игры, шутил с коллегами и каждое утро приносил им кофе. Пока однажды не заметил в логах то, чего там быть не должно.

Теперь его зовут Дух, и ирония осталась единственным оружием, которое уцелело с прошлой жизни. Зона, где нет камер и логов, показалась убежищем. Но череда событий привела его в мир, который перестал быть понятным и знакомым.

Когда на его глазах исчезает Леший, Дух остаётся в чужой Зоне, где действуют чужие правила. Выбор простой: завершить начатое и дойти до конца.

Четвёртая книга цикла «Разломы». История человека, который однажды сказал правду вслух и заплатил за это всем.

Содержание

Пролог. Пустое место	4
Глава 1. Саша	8
Глава 2. Странный трафик	20
Глава 3. Слишком громко	31
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Borland Clause

Дух. История беглеца

Пролог. Пустое место

Есть люди, которые идут в Зону за деньгами, и люди, которые идут за артефактами, и это почти всегда одни и те же люди. Третьих мало. Они не зовут себя сталкерами: слово занято теми, кто знает, куда и зачем идёт.

Зона не обещает им ничего, и на этом держится сделка. Они живут здесь годами под позывными, и позывной прирастает к ним плотнее настоящего имени. Фамилия остаётся дома, в паспорте, в ящике стола, куда давно никто не заглядывает, и никто из них не вспоминает о ней.

Эти бегут. От долга, который не вернуть, от человека, с которым не хочется встречаться, от квартиры, где по вечерам слишком тихо, от обстоятельств. Зона берёт их как всех прочих, без справок и без вопросов в графе «откуда», и за это её и выбирают: здесь никто не спросит, почему ты здесь.

* * *

Первым вернулся звук. Ветер в арматуре, тонкий и ровный, как если бы кто-то водил мокрым пальцем по краю стакана. Потом дыхание, своё, с хрипом на выдохе. Зрение пришло последним: белое пятно разошлось на куски, из кусков

сложились плита с пятном мазута, ржавые прутья и серое небо, какое в Зоне бывает всегда, в любой час.

Пахло палёной шкуррой и озоном. Запах держался секунд десять, потом ветер выдул его, не совсем, но достаточно, чтобы не морщиться от него.

Дух перекатился на колено. Под ладонью хрустнула кирпичная крошка.

Леший лежал здесь. Метр левее, головой к плите, рядом с Сойкой.

Дух смотрел на это место и сперва не мог понять, что с ним не так. Потом понял: оно пустое. Трава примята, и всё. Он положил ладонь на землю – тёплая, как сиденье, с которого только что встали. Ни крови, ни рюкзака, ни ножа, ни лоскута куртки, которую он ещё минуту назад рвал руками.

Привычка сработала раньше, чем он успел её остановить: разложить на механики как код. Вход – удар клешни, смертельное ранение. Условие – вспышка света. Выход – лежал перед ним в траве, окровавленный. Точнее, должен лежать, но никого нет. И в построенную механику этот выход не вписывался ни одной строкой. Дух попробовал привязаться к хронологии и действиям. Но и это не помогло уложить все в голове.

Его ладони между тем продолжали работать. Шарили по земле, давили, ощупывали, хотя нажимать было не на что. Он наконец остановил их, поднёс к лицу. Чистые. Были по запястья в крови, а теперь ни пятнышка, даже под ногтя-

ми. Рядом нашлась пластиковая обёртка от гемостатического пластыря, смятая в ком: пластырь ушёл вместе с тем, на кого его клали, а упаковка осталась.

Остальное осталось тоже. Бинты, шприц-тюбики, пустые блистеры лежали россыпью там, где Лика вытряхнула аптечку, и никуда не делись. Исчез только он сам и все следы от него.

Мёртвые собаки тоже никуда не делись: несколько тел лежали там, где их застала бойня, одна без задних лап, и над ними уже собиралась первая мелкая мошка. В правом ухе у Духа стоял тонкий звон после очередей, и сквозь него всё остальное доходило с запозданием, как через мокрую вату.

Лика стояла на коленях в двух шагах. Руки вытянуты перед собой, пальцы сомкнуты на пустом воздухе, на той высоте, где только что была чужая рука. Губы у неё шевелились, но звука не выходило. Она не кричала, не плакала. Смотрела на ладони, сперва на правую, потом на левую, и поворачивала их к свету, как будто искала на них то, чего там не было.

Он подполз к ней на коленях, остановился на расстоянии вытянутой руки и не стал её трогать. Лика не повернула головы.

Дух открыл рот. Привычно, как открывал его в любой передрыге: слово уже строилось само, что-то про фокусы, про плохого иллюзиониста. Он закрыл рот. Словам и шуткам сейчас не было места. За все время в Зоне это случилось крайне редко.

Он заставил себя отвлечься и посмотреть по сторонам, потому что голова требовала действий. Собак не было ни слышно, ни видно. Излом лежал на боку в десяти шагах, клешня вытянута, признаков жизни и регенерации не было, череп с той стороны, куда Дух стрелял, выглядел так, как выглядит всё, во что стреляют в упор. Он подошёл ближе, на три шага, и остановился над клешнёй. Кромка чистая. Он отвел взгляд и снова осмотрел ее: белёсая кость, трещина вдоль, грязь, и больше ничего. Крови Лешего на ней не было тоже. Левая нога дрожала в колене мелко и часто. Дух положил на неё ладонь. Нога не послушалась. Адреналин искал выход.

– Леший, – сказала Лика.

Тихо, без вопроса, с той осторожностью, с какой проверяют, помнишь ли еще его имя.

Помню.

Подумал Дух. Потом сказал вслух:

– Помню, значит он был здесь, с нами.

Больше они друг другу ничего не сказали.

Ветер в арматуре не менялся. Где-то дальше осел кусок перекрытия, и звук дошёл до них с опозданием на пару вдохов, уже без эха.

У самой плиты блеснуло. Он дотянулся, подобрал пустую гильзу, тёплую ещё, вытер о штанину и сжал в кулаке вверх, чтобы снова отвлечься.

Глава 1. Саша

Лифт остановился между пятым и шестым этажами. Без рывка, с одним долгим выдохом, и кабина повисла. Две секунды – Саша успел заметить всё сразу: цифра «6» на табло мигнула и погасла, пахнуло горелой изоляцией, над потолком коротко щёлкнуло реле.

Потом кабина дрогнула и поехала дальше.

Он вышел на двенадцатом и уже у двери студии понял, что не помнит, какую кнопку нажимал. Вернулся к лифту, проверил табличку у створок. Двенадцатый. Значит, нажал правильно, просто не запомнил, что нажимал. Зато собаку со сломанным клыком в соседнем дворе у бабушки он помнил до сих пор, хотя ему было девять. В памяти напрочь оседало то, что он расценивал как опасность. Остальное утекало.

В офисе было пусто, и это был лучший час недели. Семь сорок, понедельник, панорамные окна над городом, который заливался малиновым рассветом, и кофемашина в углу кухни, просыпающаяся с кашлем: хрип, дрожь, первый плевок воды в поддон. Саша слушал её, как слушают оркестр перед настройкой.

Стаканы он ставил в картонную подставку по памяти, не заглядывая в телефон. Лёве – флэт-уайт на овсяном, без сиропа, потому что с сиропом Лёва потом полдня говорил о смысле жизни, не ясно только, как сироп связан с его фило-

софскими настроениями. Марине Викторовне – двойной эспрессо, ни капли молока. Диме-тестеру – раф с солёной карамелью, самый сладкий. Яне, арт-художнице, – чёрный чай: кофе она позволяла себе только по пятницам и всегда с таким видом, будто нарушает присягу. Пятый стакан Саша налил себе, поставил рядом с клавиатурой и, как обычно, не притронулся.

К девяти подтянулись остальные. Лёва пришёл последним, в наушниках, с рюкзаком на одном плече, и первым делом ткнул пальцем в подставку.

– Овсяное?

– Овсяное.

– Без сиропа?

– Лёв, я тебя не первый год кормлю.

– Ты меня не кормишь, ты меня спаиваешь. – Лёва сдёрнул наушники на шею и посмотрел на экран Сашиного монитора, где светилась таблица в двенадцать столбцов. – Это что, опять логи с экономикой?

– Они самые.

– В понедельник. В девять утра.

– Лучшее время. – Саша вытянул гласные, как вытягивал всегда, когда радовался: «лу-учшее вре-емя». – Деньги на рассвете ещё не знают, что они деньги.

В студии давно перестали гадать, откуда у него этот говор. Яна ставила на Краснодар, Дима на Одессу, Марина Викторовна однажды назвала его «акцентом бабушки из неопре-

делённого горного региона» и закрыла вопрос. Бабушка и правда была из неопределённого региона: Саша знал, что она родилась в посёлке, которого уже нет на карте, а больше не знал ничего, и спрашивать теперь было некого.

* * *

У компании было несколько проектов, но кормила всех «Кома»: большой онлайн-мморпг с открытым миром, склеенным из отдельных подпространств, и с переходами между ними, которые игроки находили сами. Экономику и баланс «Комы» держали шестеро на двенадцатом этаже, и Саша отвечал в этой шестёрке за то, ради чего игроки возвращались. Графика и сюжет были чужой заботой, его заботой была цена. Сколько стоит аптечка, сколько патронов выпадает с ящика, сколько минут игрок готов идти до склада, прежде чем решит, что игра ему не нужна. Если коротко, он придумывал чужим людям опасность с правилами, и ему за это платили.

Двадцать два года, самый молодой в отделе, и никто ни разу не сказал ему «ты ещё мало видел». Он бы не обиделся. Он бы заметил, что видел достаточно, чтобы разобрать любую систему на детали.

Разбирать он начал давно и без особого умысла. Очередь в булочной у метро для него была очередью запросов: кассир – один сервер, тётка с кошельком мелочи – тяжёлый запрос, который стоило бы выносить в отдельный поток. Светофор был таймером с плохо настроенным кулдауном. Толпа на эс-

калаторе – система с неудачным балансом, где выигрывает тот, кто встал левее. Иногда он ловил себя на том, что смотрит на людей и ищет, у кого что просело, и тогда шёл пить кофе, чтобы вернуться в мир, где у людей есть имена, а не параметры.

Планёрка была в переговорке.

– Давай по пунктам. – Марина Викторовна сидела во главе стола с таким прямым позвоночником, что рядом с ней хотелось сесть ровнее. Стакан эспрессо уже стоял у её локтя, пустой наполовину. – Лёва, у тебя что.

– У меня аптечка. – Лёва развернул ноутбук к остальным. – Сто двадцать монет за штуку. Люди воют.

– Какие люди?

– Все. Тестовая группа, чат, мама моя, которая в «Кому» играет раз в неделю. Сто, цена была сто! – Он поднял палец. – Ей из-за этой балансировки не хватило накопленных монет на новый скин. И она позвонила мне. Мне. В воскресенье.

– И что ты ей сказал?

– Что это Саша.

Все посмотрели на Сашу. Он отпил из своего стакана кофе и обнаружил, что кофе остыл.

– Хорошо. – Он поставил стакан. – Что будет, если я сделаю восемьдесят или верну обратно к ста?

– Станет нормально.

– Что такое «нормально»?

– Ну. – Лёва пошевелил пальцами в воздухе. – Люди пе-

рестанут ругаться.

– А они будут играть?

– Конечно.

– Они будут играть, Лёв, но они перестанут бояться. Смотри. – Саша потянулся к маркеру. – Игрок стоит у входа в новую локацию. Внутри патроны и ресурсы, снаружи он живой. Чтобы войти, он должен подумать: «А если меня там ранят? Лечиться придётся за сто двадцать, это полдня фарма». Сорок секунд он думает. Сорок секунд, понимаешь? Это и есть игра. Всё остальное, что мы делаем, – декорации вокруг этих сорока секунд.

– А за восемьдесят?

– За восемьдесят он заходит и не думает. И не думает уже никогда. Мы получаем пикник у обочины. Хороший пикник, но куда лучше, если игрок будет думать над своими ресурсами. Иначе мы свалимся до обычной бродилки.

Дима хмыкнул. Яна прикрыла рот ладонью.

– Метрика удержания на третьем дне просела на четыре процента, – сказал Лёва уже твёрже. – Это не мои слова, это отчёт.

– Просела, потому что у нас легкий туториал без единой смерти. – Саша перестал улыбаться, но только на секунду. – Они не боятся, им не больно, они идут дальше и через час скучают. Смерть надо сделать более весомее. Отсюда и экономика.

– Ты хочешь, чтобы им было больно?

– Я хочу, чтобы им было интересно и у них подскакивал адреналин в опасных ситуациях. Больно – побочный эффект.

– Нет, ну так нельзя. – Лёва откинулся на спинку. – Ты не аргументируешь, ты шутишь.

– А что, одно другому мешает?

– Мешает. Потому что шутка маскирует вопрос, а аргумент его закрывает.

– Тогда давай договоримся. – Саша сел обратно, и в голове зазвучала вся его южная растяжка. – Ставим восемьдесят. Но к каждому лечению мы прикручиваем твою озвучку: «Ну вот, опять, салага». Каждый раз, на выбор из пяти интонаций. Через неделю ты сам придёшь и попросишь сто двадцать.

Тишина длилась полторы секунды. Потом Дима стукнул ладонью по столу, и Яна, сложившись пополам, выдавила что-то про «пять интонаций».

– Только не вся пятёрка, – сказал Лёва, пытаясь сохранить лицо. – Я не буду записывать обречённую.

– Обречённая – лучшая.

Марина Викторовна закатила глаза, и это был не упрёк, а виза.

– Сто двадцать, – сказала она. – И пожалуйста, вычеркни из моей головы эту озвучку, она там поселилась и платить не собирается. Дальше.

Лёва закрыл ноутбук. Он не был зол. Он вообще редко злился на Сашу, и это Сашу отчасти тревожило: человек, ко-

торый проигрывает шутке, потом долго ищет, где его обманули.

Где-то на второй половине планёрки он уронил маркер, поднял, положил в карман пиджака и вышел из переговорки с двумя чужими ручками, которых туда не клал.

* * *

День прошёл, как проходят хорошие дни: без событий. Он поправил два коэффициента в таблице дропа, нашёл ошибку в формуле инфляции (внутренняя валюта росла быстрее, чем игроки её тратили, и к концу сезона монета стоила бы меньше, чем фантик) и сообщил об этом вслух, не вставая из-за стола. Сказал громко, на всю комнату:

– Народ, у меня баг в инфляции. Мой. Признаю.

– Принято, – отозвалась Яна, не оборачиваясь.

– Что принято?

– Признание. Занесём в протокол.

Так в студии было заведено, и заведено было им самим. Ошибка названная переставала быть позором и становилась задачей. Он верил в это почти физически, как верят в закон тяготения: назови, покажи, исправь, а прятать глупо, потому что спрятанное всё равно всплывёт, и всплывёт в самый неудобный момент.

Лёва, проходя мимо, остановился у его стола.

– Ты вчера ключи на кухне оставил.

– Какие ключи?

– От квартиры. Лежали рядом с чайником. Я их в твой

ящик положил.

Саша открыл ящик. Ключи лежали между степлером и банкой с леденцами. Он долго смотрел на них, потом перевёл взгляд на Лёву.

– Слушай, а ты откуда знаешь, что вчера? Я вчера вообще не приходил.

– Значит позавчера. Суббота была, ты забегал за ноутбуком. – Лёва покачал головой. – Человек, который помнит номер ошибки трёхмесячной давности и коэффициент редкости для всех сорока предметов, не помнит, где лежат собственные ключи. Я тебя иногда боюсь.

– Это специализация.

– Это диагноз.

– Диагноз вторичен, – сказал Саша. – Специализация – основное.

– А как ты вообще домой попал, если ключи здесь были?

– Я привык уже и на такой случай имею запасные.

Ближе к вечеру в студии стало шумно. Дима собрал тестовый билд, и все, кроме Яны (у Яны горел дедлайн по текстурам), сели у большого монитора. На экране шёл прогон: безымянный тестовый игрок, нейтральный ник, бежал по заснеженному берегу подпространства «Мелководье», перепрыгивал через ржавые контейнеры, залезал в склад. В складе горело. На третьей минуте, когда нормальный человек уже должен был выходить, игрок остановился перед ящиком с патронами, сдвинул камеру вправо и полез в огонь.

– Нет, – сказал Дима.

– Да, – сказал Саша.

– Он не полезет.

– Он уже лезет.

Игрок полез. Секунд пятнадцать на экране что-то трещало и вспыхивало, здоровье падало ступенями, и только когда осталось семь процентов, он подобрал последний ящик и рванул к выходу. Перекрытие упало ему на спину. Экран залило красным, и поверх него медленно поползла надпись.

Студия взорвалась. Дима упал лбом на стол. Лёва хохотал с закрытыми глазами, повторяя «семь процентов, семь!». Даже Марина Викторовна, стоявшая в дверях с папкой, прикусила губу.

– Вот, – сказал Саша, когда все немного отошли. – Вот это и есть экономика. Человек стоит между ценой и жадностью и выбирает жадность. Нам не нужно выдумывать новый туториал, нам нужен этот склад.

– Если он выбрал жадность, мы выиграли или проиграли? – спросил Дима.

– Мы поймали его. – Саша улыбнулся, и растяжка в голосе была тёплой, ровной, почти домашней. – Это лучшая из всех возможных побед.

Телефон зазвонил, когда он собирал вещи. Алина. На экране висело её фото, где она с ложкой в зубах и сердитыми глазами делала вид, что не видит камеры.

– Ты ел? – спросила она вместо приветствия.

– Утром.

– Что именно?

– Кофе. Остыл.

– Саша.

– Там ещё были леденцы. Из ящика. – Он прижал телефон плечом к уху и сунул в рюкзак зарядку. – Ну хорошо, я перекушу что-то по дороге, а что у нас осталось дома?

– У нас осталась курица, суп и твои носки, которые ты почему-то положил в холодильник.

– Это был эксперимент.

– Эксперимент пахнет, Саша.

Он засмеялся. Слышно было, как на том конце тоже улыбаются, и сдерживают смех, пусть и стараются не показывать.

– В пятницу ребята придут, помнишь? – сказала она. – Квиз, потом ДНД. Лёша обещал отыграть орка.

– Жду орка, – сказал он.

– Не задерживайся.

– Двадцать минут. Минут тридцать. Ну час.

– Саша!

– Люблю тебя, – выдохнул он, чтобы она не успела договорить. – До вечера.

Он убрал телефон и не пошёл сразу. Студия остывала. Мониторы один за другим уходили в сон, и экраны гасли с коротким щелчком, как закрываются чужие глаза в вагоне; кондиционер в переговорной всё ещё гудел за стеной на своей одной ноте, а за панорамным стеклом город наконец

включал огни. Сначала вспыхнула цепочка вдоль набережной, потом окна в башнях на другом берегу, этаж за этажом, неровно, без видимой логики, и Саша стоял и смотрел, потому что в этом была своя экономика: каждый зажжённый квадрат стоил кому-то ужина, ссоры или бессонной ночи. На подоконнике лежал зонт, купленный позавчера, чёрный, складной, дорогой. Лёва ещё утром предупредил: к ночи ливанёт. Саша посмотрел на зонт, посмотрел на дождь, который уже мелко шел за стеклом, и кивнул, как кивают человеку, пообещавшему не забывать.

В общем чате студии он набрал и отправил: «До завтра».

В холле дремал за стойкой Петрович, охранник в вязаной жилетке, единственный человек в здании, который помнил сколько Саша пробыл на работе лучше самого Саши.

– Дождь, – сказал Петрович, не открывая глаз.

– Знаю.

– Зонт взял?

– Взял. – Саша хлопнул по рюкзаку, и звук получился убедительный: внутри брякнули зарядка, ключи и банка с леденцами.

– Ну-ну, – сказал Петрович.

Дверь выпустила его в мокрый вечер. Светофор на перекрёстке отсчитывал тридцать пять секунд, и Саша встал на красный с видом человека, который любит ждать. Капли срывались с козырька. Он считал. На двадцать девятой секунде у него начали мёрзнуть пальцы, на тридцатой он по-

думал, что чего-то не хватает, а на тридцать четвёртой уже шёл по зелёному, и мысль утонула.

Глава 2. Странный трафик

Неладное в экономике игры он заметил во вторник. Маленькими кусочками: на тестовом сервере виртуальные монеты у игроков вдруг оказывались в чужих кошельках, хотя ни один скрипт эту монету не гонял. Цифры в таблице расходились на копейки. Саша любил такие расхождения. По ним можно было восстановить картину целиком, как следу из крошек.

– Ты это видишь? – Он развернул монитор к Лёве. – Вот здесь, на сорок втором шаге. Сто восемь монет были, сто шесть стало.

– Округление.

– У нас целые числа, Лёв. Мы в целых числах считаем с самого начала.

– Значит, чей-то кривой скрипт. – Лёва уже тянулся за рюкзаком, и по тому, как он стоял, было видно: человек опаздывает на электричку и совесть ему не мешает. – Я бы глянул, но платёжка у банка. Пишешь тикет, они отвечают через трое суток, и всё хорошо.

– Через трое суток такая проблема выльется в большую.

– Тогда смотри логи сам. Только не геройствуй.

– Я никогда не геройствую.

– Ты геройствуешь, копаясь во всем этом. И делаешь это с таким лицом, будто просто чаю налил. Забудь про это и

поезжай домой.

Дверь за Лёвой закрылась. Остальные ушли ещё раньше: Дима умчался на день рождения брата, Яна на вернисаж, Марина Викторовна вообще уехала с обеда, оставив на столе записку «не сжигайте офис». Саша остался один и впервые за много недель не почувствовал облегчения. Тишина в студии вечером была другой. Не утренней, с запахом свежего кофе, а плотной, как в закрытой душевой.

Он поставил чайник, поискал печенье, нашёл три леденца. Съел все.

* * *

Логи платёжного шлюза открылись тяжело, как старый шкаф. Саша листал их с такой скоростью, с какой листают соцсети: глазами, не вчитываясь, ловя только ритм. Ритм был правильный. Запросы, ответы, подтверждения. Каждые две минуты тихий вздох проверки соединения. Он дошёл до ночной части и остановился.

В 03:10 из сервера уходил пакет.

Не запрос. Не отчёт. Пакет в четыреста сорок мегабайт, отправленный на внешний адрес, к которому в студии не было ни одной причины обращаться. Саша открыл заголовок. Потом второй. Потом сто двадцатый.

– Привет, – сказал он пустой комнате. – Ты кто такой?

Комната не ответила. Кондиционер работал в переговорной на своей монотонной ноте.

Он поднял архив. Вчера в 03:10. Позавчера в 03:10. Неде-

лю назад, две недели назад. Пакет шёл ровно в одно и то же время и ровно такого же размера, плюс-минус двадцать килобайт на прирост базы. Саша ухмыльнулся, но ухмылка вышла кривой.

– Ладно, – сказал он. – Тогда давай на живую.

Ждать пришлось до трёх. Он поставил ноутбук на колени, налил третий стакан кофе и десять раз ловил себя на том, что смотрит в окно, потом отпил кофе – он опять остыл. Город к двум ночи почти погас. Только вдоль набережной ещё тянулась гирлянда фонарей, и в мокром асфальте они отражались вытянутыми золотыми нитями. Один раз ему показалось, что кто-то прошёл по коридору за стеклянной стеной переговоров. Он встал, прошёл туда, включил свет. Никого. На столе осталась забытая чашка Яны с засохшей чайной гущей.

– Если ты привидение, – сказал он, – то я тебя только что внёс в каталог.

– Привидение – это я, – отозвались из коридора, и в стекло ткнулся луч фонаря.

Саша вздрогнул так, что опрокинул чашку. Дверь открылась, и на пороге возник ночной охранник Рустам, плотный, усатый, с термосом под мышкой.

– Прости, – сказал Рустам. – Я думал, свет забыли выключить.

– Свет не забыли. Забыли меня.

– А. – Рустам осветил фонарём стол, ноутбук, три пустых

стакана и кучку фантиков. – Работаешь?

– Ищу, кто у нас ворует.

– Ворует? – охранник уважительно присвистнул. – Серьёзно?

– Нет. – Саша улыбнулся. – Я пошутил.

Рустам постоял, переминаясь, потом кивнул на термос:

– Чай будешь? Зелёный, с чабрецом. Жена настаивала.

– Давай.

Они выпили по полчашки. Рустам рассказал про соседа, который восьмой год чинит один и тот же «Жигуль» и всякий раз находит новую причину, почему тот не заводится. Саша хохотал в нужных местах. Когда охранник ушёл, коридор снова стал длинным и пустым, и чай с чабрецом оставил во рту странный вкус: ничего плохого в нём не было, но пить второй раз не хотелось.

В 03:10 он нажал «перехват».

Пакет прошёл.

Аккуратный. Саша открыл его в песочнице, на отдельной машине, которой больше не доверял ничего ценного, и увидел то, что видеть не должен был ни один человек вне студии: имена игроков, почтовые ящики, платёжные токены, привязанные к картам. Всё сложено в архив, подписано, упаковано так чисто и экономно, как не упаковывали даже игровые патчи в его собственной студии.

Он сидел минуту. Две. За стеной перегородки равномерно щёлкал таймер на принтере, который кто-то оставил в режи-

ме ожидания, и этот щелчок, обычно незаметный, вдруг стал единственным звуком на всём этаже. Саша вслушивался в него и ловил себя на странном: тело ещё не решило, бояться ему или радоваться, и держало обе реакции подвешенными.

– Ну, – сказал он, – это либо чудесный бэкап, либо... – Фраза обрубилась. Он потёр шею. – Бэкап. Конечно. Кто-то из подрядчиков настроил копию на облако, и облако оказалось не наше.

Это объяснение ему понравилось. Оно было дурацкое, чинилось одним письмом, а виноватые в нём оказывались безвредными. А главное, чужая ошибка была заметна только ему.

Он написал себе напоминание: «показать Марине утром, спокойно, без драмы». И тут же стёр. Если показать утром, то показать придётся при всех, и тогда это будет «Саша опять нашёл» вместо «Саша, молодец». Лучше сначала проверить. Лучше быть абсолютно уверенным.

* * *

Утром он поймал Лёву у кофемашины. Лёва держал пустой стакан и смотрел на агрегат с видом человека, который ждёт приговора.

– Слушай, а бэкапы платёжки кто настраивал?

– Какие бэкапы?

– Ну, копии. На облако, на сторонний диск, не знаю. Кто-то же сохраняет.

– Игнат. – Лёва нажал кнопку, машина закашляла. – Пока

работал. Потом подрядчики взяли на себя, но схему не меняли. Она у нас как дедушкин сарай: стоит, и лучше не трогать.

– А Игнат где сейчас?

– Уволился. В прошлом году. – Лёва скосил на него глаза.

– Тебе зачем?

– Любопытно, куда человек делся.

– Никуда. В смысле, я не знаю. Он был такой: пришёл, настроил, ушёл. Мы его даже на провода не позвали, он сам сказал, что не надо. – Лёва пожал плечами. – А что, Игнат что-то натворил?

– Нет-нет. – Саша взял свой стакан. – Просто сверяю таблицу.

– Ты сверяешь таблицу, как нотариус читает завещание.

– Я в хорошей форме, ты не заметил?

– Заметил. Поэтому и спрашиваю.

* * *

Проверять он начал, как проверял бы эксплойт в новой игре, то есть с песочницы. Завёл шесть фиктивных аккаунтов: «Хаус_MD», «Уолтер_Уайт», «Тирион_Л», «Шелдон_К» и ещё двух для разнообразия. Каждому придумал отдельный ящик на отдельном домене, ни один не пересекался ни с кем в студии. Всем дал платёжные токены тестовых карт. Потом улёгся поспать на диване в переговорке на три часа и проснулся от того, что Яна стояла над ним с чашкой и смотрела так, словно нашла в офисе раненую птицу.

– Ты что, ночевал?

– Консультировал сервер.

– Он плохо себя вёл?

– Он вёл себя странно, – признал Саша. – Но я ещё не решил, плохо ли.

Через день никто не писал. Через два тоже. На третий вечер, когда Дима уже ушёл, а Саша сидел над тестовой таблицей и почти забыл об эксперименте, ящик «Хаус_MD» мигнул новым письмом.

Рекламным. Предлагали кредит под залог. На языке, которого в списке рынков студии не было и быть не могло.

Саша прогнал текст через переводчик. Получилось связно и неприятно. Потом проверил остальные ящики. Письма пришли всем шестерым. «Тирион_Л» получил купон на лекарства. «Шелдон_K» предложение «пересмотреть страховку». Адреса отправителей были разные, и домены разные, и всё равно система за ними была одна: базу не потеряли и не скопировали случайно. Базу продавали.

Он откинулся на спинку. В голове не было слов, только цифры: шесть ящиков, три дня, четыреста сорок мегабайт, ночь за ночью.

– Это не ошибка, – сказал он в пустую комнату. И это был первый раз за много лет, когда он сказал это без улыбки.

Телефон зазвонил как раз в этот момент. Алина.

– Ты где?

– В офисе.

– Опять?

– Алин, у меня тут, кажется, большой баг. Нет, не в игре. Хуже. – Он понизил голос, хотя в студии никого не было. – Нашёл утечку. Данные игроков уходят наружу каждую ночь, и какой-то гад их продаёт.

– Что значит «какой-то гад»?

– Ну, я пока не знаю, кто. Но я найду. Это же классика, понимаешь? Кто-то делает ошибку, ошибку замечает случайный человек, человек о ней говорит, ошибку чинят. Все выигрывают.

Она помолчала. Саша знал эту паузу: Алина обдумывала, выбирать ли ей слова мягкие или честные.

– Саш. А если это не ошибка?

– Что?

– Если так и задумано?

– Алин, – он засмеялся, и в смехе была вся его растяжка, тёплая, домашняя. – Это же не детектив. Это работа.

– Ладно, – сказала она. – Только не решай все один. Покажи кому-нибудь.

– Покажу. Утром.

– Саша.

– Обещаю. – Он зажмурился. – Но сначала пару часов покопаю. Чуть-чуть.

* * *

Копал он, конечно, не пару часов.

Поднял весь архив логов за полгода и нашёл первый пакет: начало весны. Первый, второй, десятый, сотый. Ни одно-

го пропуска, ни одного срыва, даже в новогоднюю ночь, когда по всему городу падали сервисы, а студия отключала половину инфраструктуры ради праздника. Пакет уходил каждую ночь, и подписан был служебным ключом, который знали очень немногие. Такая надёжность бывает не у ошибок. Бывает у процессов, за которые кому-то платят.

Адрес приёма он пробил по открытым базам и увидел, что серверы зарегистрированы на фирму «Северный порт». В поисковой выдаче о ней было три строчки. Одна из них вела на судебную хронику двухлетней давности: иск о неуплате, потом отзыв иска, потом странное «стороны примирились». В решении мелькало слово «группировка» и название района, о котором в городе предпочитали не говорить за ужином.

Шутка, которая пришла ему в голову, называлась «бандитское DLC». Он почти произнёс её вслух. Не получилось. Слова встали поперёк горла, как рыбья кость, и он только кашлянул.

Оставалось одно: кто имел доступ к ключу. Он открыл список. Прокрутил вниз, хотя прокручивать было нечего: имён оказалось два.

Первое принадлежало системному администратору, который уволился в прошлом году. Игнат Сомов. Саша помнил его смутно: тихий парень с серьёзным лицом, про которого Лёва говорил «человек-терминал». Второе имя было Глеб Маратович Ширяев, коммерческий директор студии. Человек, который каждое утро здоровался с ним в лифте. Кото-

рый подарил на день рождения набор кофейных капсул. Который сказал Саше в прошлом месяце: «Ты у нас умница, мы тебя ценим».

Это было в лифте, между девятым и десятым. Ширяев придержал двери, пропуская его вперёд, и добавил, глядя в зеркало, а не на собеседника:

– Не перегорай, Александр. Усталые умницы путают пароли.

– Я стараюсь не путать.

– Вот и не путай. – Ширяев мягко улыбнулся. – Ты у нас один такой.

Саша тогда решил, что услышал комплимент. Он вообще в те дни слышал комплименты почти во всём: в погоде, в запахе кофе, в голосе диспетчера метро. Теперь эта фраза лежала в памяти плотным кубиком, и каждая её грань блестела по-новому.

Саша перечитал имя. Потом перечитал ещё раз. Имя не менялось, как не меняется результат при повторном нажатии на ту же кнопку.

– Конечно, – сказал он в пустоту. – Конечно, Глеб Маратович. Кто же ещё.

Голос звучал ровно. Это его испугало.

Он закрыл ноутбук и потёр лицо ладонями. Потом, прежде чем встать, сделал то, что делал всегда, когда не знал, чем закончится уровень: сохранил. Вставил в порт старую флешку с наклейкой в виде жёлтой утки, скопировал логи,

служебный ключ и список доступа, подписал файл безобидным именем «баланс_v3_финал» и спрятал флешку во внутренний карман куртки, рядом с банкой леденцов.

– Сейв перед боссом, – сказал он вслух и невесело хмыкнул. – Классика.

Он погасил свет. В переговорной замолчал кондиционер, и от этой тишины стало неуютно, как в театре, когда оркестр опустил смычки, а занавес ещё не опустился.

Завтра всё объяснится. Он расскажет Марине. Или лучше сначала Лёве. Или сразу всем. Ведь именно так и работает мир: назови, покажи, исправь.

В вагоне метро он стоял, придерживаясь за поручень, и в чёрном стекле напротив видел своё лицо: бледное, усталое, с растянутыми в улыбку губами. Улыбка держалась по инерции, как держится вращение у колеса после того, как отпустили педали. Он проехал свою остановку и не заметил этого до самого конца линии.

Глава 3. Слишком громко

Письмо Саша писал сорок минут. Не потому что не знал, что сказать: слов было слишком много, и каждое хотелось взвесить, как взвешивают ингредиенты для зелья. В итоге он оставил самые честные. Короткий заголовок «Обнаружена утечка персональных данных игроков», короткое вступление («коллеги, нашёл дыру, мой любимый вид приключений»), приложенные логи и просьба разобраться. Виноватых не назвал. Имена были в списке доступа, список он тоже приложил, но произнести вслух не решился: слишком громко, слишком прямо, и если ошибся, то неудобно будет всем.

Адресатов вышло трое: общий рабочий чат, Марина Викторовна и Глеб Маратович Ширяев. Над последним он завис. Курсор мигал в поле «кому» три или четыре секунды, и Саша, неожиданно для себя, подумал о лифте, о зеркале, о фразе про усталых умниц.

– Это же формальность, – сказал он вслух. – Сверху вниз. Положено ставить руководство.

Нажал «отправить» раньше, чем успел передумать.

Ответ пришёл через четыре минуты. Саша как раз вернулся из кухни с двумя стаканами и увидел на мониторе зелёную плашку: «Спасибо, Александр. Разберёмся. Г. М.». Он перечитал. Слова были правильные и тёплые. В них не к чему было придраться. Но Саша, привыкший разбирать игры на

детали, почувствовал, что гладкость слишком быстрая. Человеку, которому сообщили об утечке в базе платежей, нужно хотя бы три минуты, чтобы справиться с лицом и бегло ознакомиться с отчетом.

В общем чате тем временем росла стайка эмодзи. Яна поставила огонь. Дима написал: «Саш, ты супер». Лёва прислал смайл с очками и подпись: «Опять героиствуешь».

Марина Викторовна вызвала его к себе минут через двадцать.

В её кабинете пахло бергамотом и чистыми листами. Она сидела за столом, не поднимая головы, и дописывала что-то в блокноте. Закончила, закрыла ручку, только тогда посмотрела на него. Тяжёлым взглядом, в котором Саша не сразу узнал усталость.

– Закрой, пожалуйста.

Он прикрыл дверь.

– Ты письмо Глебу Маратовичу отправил? – спросила она.

– И вам.

– Мне, я получила. – Она помолчала. – Ты правильно сделал. Давай сразу: ты правильно сделал.

– Но?

– Никаких «но». – Она чуть качнула головой. – Просто я хочу, чтобы ты запомнил, что делаешь это не в компьютерной игре. В играх у ошибок есть сохранения.

– Так у нас и в жизни есть, Марина Викторовна. Если ошибку обнаружили, значит, можно откатить.

– Откатывают те, у кого есть доступ к откату. – Она слегка улыбнулась, но улыбка вышла такая, какими закрывают дверь. – Иди работай. Если будет что-то странное, приходи сразу ко мне, а не пиши в чат. Договорились?

– Договорились.

Он вышел из кабинета с неприятным ощущением, что разговор вёлся на двух языках, и он понял только один.

* * *

Премия пришла к обеду. Бухгалтерия прислала уведомление: три оклада «за внимательность и вклад в безопасность продукта». Сумма была такая, что Саша присвистнул.

– За что это? – спросил он у Яны, которая получила такое же уведомление, но всего один оклад.

– Не знаю, – сказала Яна. – Наверное мне за текстуры.

– А мне за внимательность, наверное.

– Это хорошо?

– Это очень странно, как-то много за внимательность.

Глеб Маратович поймал его у лифта. Не подстерёг, а именно поймал: как ловят монету, которая сама катится в руку. Дорогое пальто, выглаженный воротник, привычная лёгкая улыбка.

– Александр. Рад тебя видеть.

– Здравствуйте, Глеб Маратович.

– Бухгалтерия уже сообщила? – Он кивнул на его телефон.

– Мы любим тех, кто смотрит под ноги.

– Под ноги?

– Чтобы не споткнуться. – Ширяев přátельски тронул его за локоть. – А ты, Александр, споткнулся о довольно важную вещь. Давай не будем её поднимать. Пусть её уберёт тот, кому положено.

– Но данные игроков...

– В безопасности. – Улыбка стала на полтона мягче. – Я лично прослежу. А ты работай. Играй в свои игры. Они у тебя очень хорошо получаются.

Лифт открылся, Ширяев шагнул в него, придержал двери, чтобы Саша тоже вошёл. Саша не вошёл. Постоял, пока створки не сомкнулись. Ему вдруг очень захотелось подняться по лестнице пешком, хотя до двенадцатого этажа было ещё далеко.

Когда он вернулся к столу, компьютер издал короткий звук, и в углу экрана выскочила плашка: «Доступ к ресурсу "логи платёжного шлюза" приостановлен в связи с плановыми работами». Саша перезагрузил страницу. То же самое. Попробовал с другого аккаунта, с тестового. То же.

– Лёв! – позвал он. – У нас плановые работы?

Лёва повернулся на кресле вместе с наушниками.

– Какие плановые?

– Мне закрыли логи. На плановые работы.

– Первый раз слышу. – Лёва поднялся, подошёл, посмотрел через плечо. – Спроси у подрядчиков.

Саша написал в тикет. Автоответ пришёл мгновенно: «Ваше обращение зарегистрировано. Срок рассмотрения: пять

рабочих дней». Он перечитал последнюю строку и засмеялся. Но смех получился кривой, потому что в общем чате, куда он только что зашёл проверить, не пропала ли реакция Яны, исчезли его вложения. Сообщение осталось, текст остался, смайлики остались. Два файла с логами и список доступа превратились в серые прямоугольники с надписью: «Файл недоступен».

– Дима, ты не трогал?

– Что?

– Мои логи в чате.

– Я вообще чат не трогаю. – Дима встал, подошёл. – О, и правда нет. Может, лимит по месту?

– У нас безлимит.

– Тогда это глюк.

– Хороший глюк. – Саша откинулся на спинку. – Умный. Выборочный. Прибирается за собой, никого не будит. Назовём его службой исправления багов.

– Служба чего?

– Исправления. Работает без выходных. Приходит ночью, убирает, оставляет премию.

Яна засмеялась, Дима хмыкнул, Лёва только дёрнул уголок рта. Саша допил кофе, снова холодный, и вдруг заметил, что смеётся один. Остальные улыбались вежливо, не отрываясь от экранов, и никто не повторил его шутку, как повторяли обычно.

К вечеру офис изменился, хотя ничего больше не меня-

лось. Люди перестали встречаться с ним глазами в коридоре. Не демонстративно, не злобно: просто взгляд скользил мимо, как скользит по дорожному знаку водитель, давно знающий маршрут. Яна у кофемашины на секунду задержалась, будто хотела спросить, но вместо вопроса протянула ему стаканчик с чаем. Дима теперь здоровался на пару секунд позже, чем раньше. Саша ловил эти секунды, как ловят задержку в сетевой игре: человек ещё здесь, но сигнал уже идёт по другому каналу.

* * *

Мужчин у офиса он заметил на третий день.

Не сразу понял, что именно в них не так. Двое. В тёмных куртках одного кроя, в тёмных ботинках, оба средних лет и средней упитанности, из тех людей, которых невозможно описать, потому что описывать нечего – серые и неприметные. Они стояли на противоположной стороне улицы возле киоска с шаурмой, но не ели. Один пил кофе из бумажного стакана. Второй смотрел на окна двенадцатого этажа.

Саша выбросил в урну пустую обёртку от леденца и прошёл мимо них к метро. На обратном пути они стояли там же. Никто из них не подошёл, не окликнул, не вошёл в здание. Просто стояли.

Он потом вспоминал этот день как день мелочей, которые складываются слишком ровно. Шаурмист за стеклом вытирал стойку и ни разу не посмотрел на мужчин: хозяин лавки знает, на кого глядеть не надо. Пахло жареным луком и

мокрым асфальтом, из окна второго этажа кто-то выставил динамик, и по улице тянулась старая песня про дорогу. Вечер был обычный. Именно поэтому Саша заметил, что в нём чего-то не хватает: ни одной случайной ноты, ни одного прохожего с собакой, никакого ветра, который бывает у метро всегда. Улица держала паузу.

– Ты видел? – спросил он вечером у Димы.

– Кого?

– Двух мужиков у шаурмы.

– Саш, там круглые сутки кто-то стоит.

– Они не едят.

– Может, постятся.

– Хорошая версия. – Он отвернулся. – Спасибо.

В тот же вечер пришло письмо без отправителя. Адрес в поле «от» был набором цифр. Тема пустая. Текст состоял из одной строки: «Ты слишком громко видишь проблемы».

Саша сидел и смотрел на эти пять слов минут пять. Потом сделал то, что делал всегда: скопировал письмо, сохранил в папку «аномалии», подписал «#1». Рука не дрожала. Только пальцы стали холодными, как перед сдачей экзамена.

Лёва нашёл его на лестнице.

В студии пожарная лестница пахла пылью и железом, и по вечерам там никто не появлялся. Саша спустился на один пролёт, чтобы подумать, и сел на ступеньку, обхватив колени. Услышал шаги раньше, чем увидел фигуру.

– Ты не заметил, что тебя пасут? – Лёва остановился в

двух шагах. – Или заметил, но делаешь вид?

– Я не делаю вид. Я собираю данные.

– Саш. – Лёва огляделся, потом понизил голос. Говорил теперь одним краем рта и смотрел в стену, как говорят люди, чьё дыхание могут записывать. – Ты думаешь, это Глеб один? Нет. Там людей больше, чем ты можешь представить. Мне Дима кое-что сказал, ему кто-то в курилке... неважно. Смысл простой: не у одного Глеба хвост.

– Какой хвост?

– Игнат. Которого ты спрашивал. – Лёва сглотнул. – Я попробовал найти его в соцсетях. Нет. Нигде. Все аккаунты удалены, и давно, задолго до моих поисков. Как будто человека не было. Ни фото, ни переписок, ни адреса. Был человек-терминал, и нет терминала.

– Может, переехал.

– Может. – Лёва посмотрел на него. – А может, ты думаешь про это как про баг. А это не баг. И про тебя в курилке уже говорят, что ты тоже... пропадёшь. Как Игнат.

– Это просто слова.

– Я не про слова. Я про то, что слова обычно предшествуют событиям.

– Лёв, подожди. – Саша встал, ступенька скрипнула под ногами. – Но это же ошибка. Так не бывает. То есть бывает, но только в играх или фильмах. Там главный герой находит заговор, вскрывает его, и все закручивается непредсказуемым образом, а тут – жизнь, тут все иначе. Так не бывает,

чтобы...

– В играх бывает, потому что сценарист так захотел, – перебил Лёва. – А у нас сценаристов нет.

Он сунул руки в карманы, и этот жест выглядел так, словно человек прячет пальцы, чтобы не показать, что они дрожат.

– Слушай. Я тебя предупредил. Просто предупредил. Если что-то пойдёт не так, не вмешивай меня. Я тебя уважаю, и ты мне кофе приносишь, и всё такое. Но у меня мать и ипотека. И я не умею... вот это.

– Лёв.

– Всё. – Лёва развернулся и пошёл вверх по лестнице. – Больше не подходи ко мне с этим... – он замялся. Махнул рукой и ушел.

Шаги стихли на третьем пролёте. Саша остался на ступеньке.

* * *

Вечером он сложил картину в обратном порядке.

Сначала слежка. Потом реакция руководства: быстрая, гладкая, с премией. До этого его собственное письмо в общий чат, которое он отправил так легко, как отправляют открытку. Он нажал «старт». В игре, правил которой не знал. Объявил наблюдателям, что видит, и они увидели в ответ.

На экране стояла стандартная форма жалобы: «Служба надзора за обработкой персональных данных». Саша придумал ей ещё одно прозвище («СНОПД, или Снопик»), но да-

же не улыбнулся. Заполнил формы. Приложил копии логов, которые у него оставались на личном ноутбуке. Приложил список. Подписал настоящим именем и фамилией. Нажал «отправить» и вдруг поймал себя на том, что ждёт ответа так же, как ждут результатов анализа.

Ответ пришёл через сорок минут. Через сорок.

«Ваше обращение принято. Проверка начата. Просим не распространять информацию до окончания процедуры».

Саша прочитал письмо дважды. За последний год ему не отвечали так быстро ни банк, ни налоговая, ни салон связи. Ни разу. Самая быстрая реакция, какую он получал в жизни, была когда он однажды потерял карту в кафе, и то официантка вернула её только на следующий день.

Он закрыл ноутбук. Телефон тут же зазвонил.

– Ты чего такой? – Алина не стала здороваться.

– Какой?

– Дышишь через раз. Я слышу.

– Нормально дышу.

– Саша.

– Пустяки. – Он потёр переносицу. – Поиграл в сохранения, получил по лицу. Бывает.

Она долго молчала. На заднем плане у неё шумел чайник и чей-то телевизор.

– Приезжай ко мне. К маме. Мама пироги печёт.

– Не могу, у меня завтра...

– Пожалуйста.

– Через два дня, – сказал он. – Обещаю.

– Ты уже много чего обещал. – Но в голосе не было упрёка, только растерянность. – Ладно. Спокойной ночи.

Он положил трубку и постоял посреди комнаты, прислушиваясь к дому. Алина уехала к маме на выходные, квартира казалась огромной и пустой без нее. На кухне капал кран. На лестнице за дверью кто-то проходил, не торопясь, останавливаясь на каждом пролёте, и Саша не знал, соседи ли это.

Он достал телефон. Положил на стол экраном вниз. Зажал кнопку сбоку и выключил звук. Потом подумал и выключил вибрацию. Остался только тихий, самый тихий режим, в котором телефон превращался в плоский чёрный камень.

Шаги на лестнице стихли этажом ниже. Саша встал у двери, прижался лбом и принялся слушать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.